

*Ирине Балахоновой,
которая отправилась
в дорогу вместе*

ГЛАВА 1

Время для кошки движется медленно. Таня смотрела, как пули летят ей навстречу. Как приближаются, вибрируя и жужжа, их тупые рыльца. Мёртвые лежали в траве. Небо было тихим и голубым, с пушистыми облачками, а под ними плавал ястреб, крошечный, острый и плоский, точно его вырезали маникюрными ножницами. Далеко, с краю, небо уже начало чернеть и сворачиваться, как горящая бумага. Таня смотрела, как идёт темнота. Страшно не было.

Она махнула ястребу рукой.

И Шурка проснулся.

Стволы будто отпрянули, образовали полянку. Сердце колотилось. Таня. Стволы были чёрными. Сквозь движущиеся чёрные кроны сквозили сизое небо и маленькая твёрдая луна. Таня. Он сел рывком, еловые ветки, которые они наломали с вечера, съехали блестящим колючим одеялом. Таня!

Бежать. Спешить. Нестись. Лететь. Срочно.

Куда?

В синем воздухе щёлкало, шелестело, шуршало, икала невидимая птица, на что другая отвечала ей задумчиво: у-у-у-у... Вероятно, обдумывала ужин. Лес был полон обычных ночных хлопот, не всегда мирных. Спали, казалось, только Капуста и Сара. Их лица светились в темноте голубым. Неприятно казались каменными.

— Елена Петровна, — шёпотом позвал Шурка. Но веки Капусты, казалось, были так и изваяны: с желобком там, где навечно сомкнуты.

— У-у-у-у, — опять выдохнуло в темноте. Шурка схватил Капусту за плечо:

— Елена Пет... — и умолк. Кукла выпросталась из спящей руки Сары и теперь деловито дёргала последний уголок, зажатый между пальцами.

Кого-то он всё же разбудил.

Глазки-точки, когда-то коряво намалёванные углем, теперь полустёртые, уставились на него. Рта у куклы не было, и выражение было невозможно определить. Злое? Радостное? Приветливое? Угрюмое? Один глаз был больше другого.

Кукла освободилась. Быстро перебирая уголками платка, как краб, сбежала по Саре,

спрыгнула в неподвижную траву. Остановилась. Стебли не шелохнулись. Шурка вытянул шею. Там она ещё?

Она была там. Таращилась на него. Стояла и ждала. Чего? Шурка глянул в одну сторону, в другую. Ножки-уголки нетерпеливо затопали. Как бы говоря: ну?

Шурка сглотнул, кивнул. Открыл рот, чтобы... Кукла подняла один уголок, приложила к своей мягкой голове. Туда, где не было рта. Шурка понял: тс-с-с-с. Тихо? Кивнул. Бесшумно встал. Кивнула и она.

Листья блестели в лунном свете.

Кроны шумели, покачиваясь. Вокруг луны в небе растёкся сизый ореол, бурый по краям, точно луна таяла. Под ногами мягко проваливался мох. Шурка боялся хрустнуть сучком. Боялся услышать «у-у-у-у» совсем рядом. Боялся упустить куклу: голубой узелок подскакивал впереди, огибая невидимые кочки и пни, карабкался через ветки.

Она что — знает? Она поняла? Что? Сердце билось и мешало думать. Таня, Таня, Таня.

Под ногой хрустнуло. По лодыжкам хлестнуло. Ударило по голени. Шурка вскрикнул, полетел вперёд, едва успел выставить перед собой руки.

И открыл глаза. Белизна ошеломила его. Ворвалась с бурчанием автомобилей, чириканьем воробьёв, звоном трамваев. И превратилась в привычный потолок с бледно-рыжим пятном на том месте, где малярша долго закрашивала подпалину, пока наконец не спустилась по лестнице и не сказала: фу, зато теперь как яичко. Занавеска оттопырилась, надулась как парус. Опала. Из общей кухни доносились далёкий перестук посуды и приглушённые голоса соседок. По коридору протопали, проскрипели шаги. Шкаф стоял, разинув дверцу. Внутри плоско висели дяди-Яшины брюки. На стуле растопыривала рукава Бобкина куртка. У ножки лежал школьный портфель. Далеко внизу прозвенел мимо трамвай. По потолку брызнули солнечные зайчики.

И только сердце колотилось по-прежнему. Таня, Таня, Таня.

Шурка припомнил всё целиком. Увидел разом. Как картину, одновременно яркую и прозрачную — и такую подробную, будто вся была написана кисточкой в один волосок. Разрезанный фартук соседки, Бобка выкроил мишку. А перед этим спёр из тайника глаз. Картина, через которую удрали оба. Милиционер. Сыщики с собакой. Сара, лестница, Капуста. Река

и книга. Сфинксы. Мойка. Король игрушек в чёрном «виллисе» с рыжим шофёром. Лес, из которого он только что выпал в свою собственную кровать.

А главное — Таня.

Сердце стучало. Шурка спустил ноги на пол. Прошёлёпал к двери. Высунулся в коридор. Никого. Брызнул к тётки-Дусиной двери. Послушал: тихо? Дёрнул на себя дверь. Картина! Картина, на которой дорога уходила лес. Картина, которую унесли с собой милиционеры. Картина, через которую сбежал Бобка. Она тихо висела на стене. Дорога брела себе через лес. И никого на ней не было.

Из кухни вышла соседка — тётя Даша. За уши несла большую дымящуюся кастрюлю.

Шурка обмер. На тётке Даше был её фартук. Ситец, цветочки. Ни дырок, ни штопки. Совершенно целый. Ситцевые цветочки завертелись. Сон?!

Невозможный, яркий, подробный. Неужели — сон?!

Сердце стучало: нет, нет, нет.

Не может быть.

— Шурка, ты что это? В гости ко мне? — засмеялась позади тётя Дуся. — Можешь даже надеть штаны. По такому поводу.

Шурка опомнился. Жар стыда захлестнул по самые уши.

— Извините! — И юркнул обратно к себе.

Упал спиной на стену.

Комната была полна света и воздуха. Открытый шкаф, портфель у ножки стула. Занавеска всё вздувалась и опадала — город за окном дышал, радовался майскому дню и звенел от радости, потому что ничего лучше в Ленинграде не бывает. Только июньские ночи.

Сон! И в тот же миг Шурка почувствовал, что вся картина поблёлкла и начала осыпаться.

Шурка попытался вспомнить всё с самого начала. Но начала уже не было. Ладно. Тогда — что есть. Они бежали. С Сарой. Искали Бобку. Какие-то большие злые кошки. Потом мокрая Капуста. Потом трясучая бензиновая темнота. Он ехал? В машине? Куда? С кем? С Капустой? А Таня? С ней что-то ужасное. И лес.

Какой-то лес. Какой-то поезд. Погодите, какой ещё поезд? Но и он осыпался. Точно висел в воздухе.

Только тревога осталась. Настоящая. Тяжёлая, как мокрая глина.

— Бобка! — заорал Шурка во всю грудь.

В шкафу качнулись рукава. Высунулась Бобкина голова. Потом выбрался весь: брюки,

куртка, в руках — носок. Другой — надет. Волосы тщательно расчёсаны на пробор.

— Чего орёшь?

— Бобка, — просипел Шурка. Кашлянул. Бобка сел на краешек своей кровати, задрал штанину, стал надевать беглый носок. Натянул, оправил штанину. Встал, подцепил за ручку портфель.

— Ты куда?

— А ты что, в школу сегодня не идёшь?

— А Сара где?

Бобка глянул странно:

— Чай пьёт. На кухне.

И сразу:

— А что?

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, слышал?

Бобка ответил надменным взглядом и вышел. Шурка прислушался. Скрип половиц до самой двери. Бухнуло. Надо же. Правда ушёл. В школу.

Значит, сон. Вот и всё.

Шурка натянул штаны. Стал складывать ширму, которой на ночь отгораживали угол Сары. Постель была заправлена. А на постели... Сердце кувыркнулось. Ладони Шурки взмокли. Деревянная гармошка ширмы упала на грудь, боднула. Он едва её одолел. Прислонил

к стене. Подошёл. Кукла Сары лежала на подушке. Узелок головы, четыре уголка. Намалёванные глаза таращились в потолок.

Трогать её не хотелось.

— Если это сон, то и всё, — ободрил себя Шурка.

Взял куклу. Узел был тугим и грязным. Видимо, много раз намокал и высыхал. Шурка впился в него зубами. Наконец ослабил. Стал теревить. Развязал.

Какие-то чёрно-серые комочки, пыль. Сухая, она так и липла к пальцам, как с крыльев бабочки. Грязь. И больше ничего.

Стало стыдно.

Не стыдно, а глупо. Что он рассчитывал там найти? Мозги, что ли? Или мотор?

Шурка завязал узел снова. Затянул потуже. Пристроил куклу как было. Вытер руку о штаны.

Взял мыло, полотенце.

Попытался вспомнить, ухватить, разглядеть остатки сна. Поднести к глазам хоть обрывки... Но и их уже не нашёл. Сон осыпался. Майский ветерок подхватил его, вынес в окно, дунул покрепче — фук! — и показал пустую ладонь.

Шурка чуть не взвился. Щекастый будильник на столе громко трещал, топая от усилия

коротенькими железными ножками. Шурка прихлопнул его. И ринулся вон.

Бобка был прав. В школу было не просто пора. В школу Шурка опаздывал!

Вихрем пронёсся в ванную. От Сары там осталось только мокрое полотенце. Галопом в комнату. От Сары там осталось только черничное пятно наспех заправленной непроливайки, от куклы — ямка на подушке. Как пловец на соревновании, Шурка нырнул в футболку. Сунул руки в рукава куртки. На бегу выпил молоко. От Сары на кухне остались только чистые мокрые чашка и ложечка. Ополоснул стакан под краном, стукнул на стол рядом с Сариной чашкой. Выбежал, засовывая кусок хлеба в портфель. Бросился не к двери, а к окну. Расплющил щеку о стекло, чтобы заглянуть на самое дно двора-колодца. Увидел знакомый берет. Рора ждала внизу. Расплылся в улыбке.

— Сейчас! — крикнул стеклу, зная, что она не слышит.

И чуть не врезался головой в грудь дяде Яше.

— Ой!

Успел подхватить дядю Яшу. Восстановить равновесие. Захохотал. Сунул ему трость.